

Дадис (одновременно) С Христакисом? Я же говорил тебе, стелла, слушай!

Панагис. Да, с Христакисом. Так говорят. Наши желания никогда не совпадают с реальностью! Вот все и разрешилось...самым неожиданным образом. (продолжают говорить и смеяться. Стелла содрагается, как от удара электричества, садится прямо, открывает глаза и кричит)

Стелла. Это ложь! (падает на диван)

Тетушка Ниония (испуганно) Умерла! (валится на колени, обхватывает Стеллу дрожащими руками. Панагис, Мария и Дадис замолкают. Их болтовня сменяется глубоким молчанием. Ни вскрика, ни слова, одно удивление и немой ужас. Она поворачиваются лицом к трупу и сидящей возле него на полу Нионии и смотрят, только через несколько секунд они осмеливаются подойти на шаг и застывают с протянутыми руками. Немая сцена.

Занавес

Татаринцева Р.И.

РЫЦАРСКИЙ ИДЕАЛ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ АНГЕЛОСА ТЕРЗАКИСА «ПРИНЦЕССА ИЗАБО»

Тринадцатого апреля 1204 г. Константинополь сдался крестоносцам. Завершился 4-й крестовый поход, в результате которого власть византийских василевсов была низложена, а столица империи ромеев, как называли себя византийцы, стала главным городом нового государства – Латинской империи.

В 1209 г. в составе Латинской империи, на Пелопоннесе, возникло Ахейское княжество, обычно именуемое Мореей. Его территорию составляли владения Жоффруа Виллардуэна, признавшего себя прямым вассалом константинопольского императора и получившего в награду от Генриха Генегавтского высокий титул сенешала империи. Столицей этого княжества стал город Андравида. «Собравшийся здесь в 1209 г. парламент утвердил книгу ленов, разделившую страну на двенадцать бароний и определившую её внутреннее устройство по образцу западноевропейских феодальных государств» [2, с.5]. Следует отметить, что в то время «главный город Морей – Андравида – представлял собой просто большую деревню, насчитывавшую несколько тысяч жителей: соседний Клермон служил замком, где пребывал двор, а Кларенция – портом» [3, с.20].

Завоевание крестоносцев привело к утверждению в Греции форм феодализма, характерных для Франции, чему как раз и противились византийские императоры. И хотя пышность византийского двора очень импонировала крестоносцам, Константинополь был разграблен, православное патриаршество заменено католическим, «греческая знать, искавшая сближения с латинянами, оттеснена на задний план: её едва терпели» [3, с.16]. Ослабляли победителей и внутренние разногласия. Поэтому историческая судьба Латинской империи оказалась недолговечной. Уже в 1261 г. она перестала существовать.

Традиции византийской государственности упорно препятствовали развитию в Греции структуры феодальной иерархии. Совершенно естественно, что в Латинскую империю эта структура была привнесена в завершенной форме. «Немногочисленный господствующий класс, оказавшийся в завоёванной стране, среди этнически чуждого населения, рассчитывающий на поддержку лишь сравнительно узкой группы местной знати, должен был искусственно поддерживать систему личных связей и её идеологическое оформление – понятие рыцарской верности и чести. При дворах в Константинополе, Фессалонике и особенно в Андравиде выросло поколение рыцарей, славившихся своей доблестью и прочно державшихся за традиции, которые на Западе в XIII в. уже начинали казаться обветшалыми» [3, с.22]. Известно, что в первой половине XIII в. в Западной Европе «рыцарство постепенно перестало видеть смысл в изнурительных походах на

Восток. С укреплением королевской власти у благородных потомков «голяков» и «неимущих» нашлись перспективные дела дома – почётная и выгодная служба в королевских войсках, при дворах государей» [1, с.277]. Однако в Морее создавалась Новая Франция, а значит - и новое рыцарство, верное классической традиции, идеалам и собственной героике.

Из всех латинских сеньорий на территории завоёванной Византии наиболее устойчивой оказалась именно Морей, просуществовавшая до начала XV столетия. Многочисленные мелкопоместные вассалы-воины, рыцарство находились в зависимости от княжеской власти, освящённой авторитетом церкви, а преданность сеньору выступала лейтмотивом их существования. «Общее число ленов, земельных владений рыцарей, в Морее составляло примерно 500 или 600. Это свидетельствует о сравнительной немногочисленности прослойки завоевателей и объясняет всю необходимость для них союза с византийской знатью» [3, с.23]. Как подчёркивается в «Истории Византии», смешанные браки в феодальной Морее достаточно скоро стали обычным явлением, и даже морейский князь Гийом Виллардуэн (1246-1278) женился на гречанке Анне, дочери эпирского правителя. «Постепенно в Морее образовался особый слой полуфранков-полугреков, так называемых гасмулов – результат и явный признак начинающейся ассимиляции завоевателей. Гасмулы говорили на греческом языке и, по-видимому, один из них написал по-гречески «Морейскую хронику» (около 2-й четверти XIV в.), прославив подвиги франкских рыцарей на Пелопоннесе» [3, с.24]. Вторая часть этой «Хроники» посвящена событиям 1205-1292 гг. и, в частности, описывает и рождение дочери князя Гийома Изабеллы - принцессы Изабо. Это историческое имя стало названием героического романа греческого писателя XX в. Ангелоса Терзакиса, а обозначенная выше историческая канва – предысторией его сюжета.

Роман «Принцесса Изабо» писался А.Терзакисом в 1941-1944 гг. Его идея была подсказана автору гре-

ческим сопротивлением в период германской оккупации Греции во Второй мировой войне. Идея произведения понятна, как понятна и прямая историческая параллель, осмысленная писателем. Принцесса Изабо – действительное историческое лицо, она была правительницей Ахейского княжества с 1289 по 1307 год, войдя в княжение после кончины своего второго мужа – сенешаля Флорана де Гено.

Роман Терзакиса основан на хорошем знании исторических источников, реалистичен, написан «в лучших традициях исторического романа и не лишён известной романтики» [2, с.7]. Характеры героев здесь сложны и многогранны, их образы объективны и трагичны. Принцесса Изабо, дочь франка Гийома Виллардуэна и гречанки Анны Ангелины Комнины, – поэтическая фигура произведения. Конфликт сюжета основан на непримиримости противников – завоевателей франков и греков. И мир

франков – это мир средневекового рыцарства: турниры и охота, битвы и празднества. «Присутствуют здесь и носители прославленных рыцарских добродетелей, так, например, доблестный и благородный, справедливый и великодушный рыцарь Иоанн де Турнэ, образ которого овеян печалью и таинственностью» [2, с.8], раскрытой автором в завершающей части произведения. Измена клятве, предательство, по мнению писателя, выраженному автором в словах своего героя, – гибельны. Тем более что Иоанн де Турнэ принадлежал к лучшим из лучших людей со всех концов земли, поклявшихся охранять сосуд Священного Грааля, – к монашескому ордену Грааля. «Рыцари этого ордена дают страшную клятву никогда не покидать Святой горы и не поддаваться искушениям плоти. Они не спускаются к остальным людям, кроме тех случаев, когда им поручается особая миссия, выполнив которую они обязаны сразу же вернуться в свою далёкую обитель. Если они согрешат, если изменят своей клятве, тогда, увы! они сами вынесут себе приговор. Никогда душа их не узнает покоя, никогда; сколько бы они ни старались, им не найти тропы к Святой горе» [4, с.520]. Интересно, что посвящение в рыцари Иоанн де Турнэ получил не от руки короля Франции, но на Святой горе, удостоившись редкой для человека чести. Абсолютно здесь, в романе А.Терзакиса, и знание жанрового канона – цикла песен о короле Артуре Британском и рыцарях Круглого Стола.

«И всё-таки главное, что выделяет А.Терзакис в характеристике франкского рыцарства, – это завоевательная миссия франков в Море» [2, с.8]. Поэтому попечение о мире и благополучии Ахейского княжества, отличающие Флорана де Гено, – «это дальновидные меры, направленные на укрепление франкского владычества» [2, с.8].

Никифор Сгурос, по сути главный герой романа, «принадлежит к старинному и знатному дворянскому роду, но его права на дворянское звание не были признаны франками, и Никифор, как почти все его соотечественники, вырос в крайней нужде и невежестве» [2, с.9]. Судьба Никифора – судьба народа страны древнейшей культуры, подавленной многовековым господством сменяющих друг друга завоевателей, – отмечает во вступительной статье к роману С.Ильинская.

Мир греков, единение в борьбе представителей разных слоёв народа, сюжетно решаемое автором в ключевой, третьей части романа, – олицетворение национальной идеи. Её воплощение – в сопротивлении франкам. Голод подтолкнул народное восстание. Конечно, во временной перспективе – за рамками сюжета – это восстание будет подавлено, но идея непокорности станет основой последующей борьбы народа за национальное освобождение. Поэтому симпатии автора на стороне принцессы Изабо, дочери гречанки, но не её сестры Маргариты, дочери франка. Можно отметить также, что психологическая характеристика Маргариты завершена; психологическая же характеристика образа Изабо не имеет завершения, но именно поэтому она обладает исторической правдивостью и несомненной естественностью. Трагедия принцессы Изабо в «раздвоенности между двумя мирами, трагедия не найденного места в жизни, трагедия одиночества» [2, с.13]. И эти человеческие качества образа главной героини романа А.Терзакиса оказываются особенно привлекательными для читателя, потому что они достоверны.

«Монументальный замысел писателя, пожелавшего воскресить и всесторонне осветить далёкий отрезок греческой истории времён франкского владычества, вылился в крупное эпическое произведение с чрезвычайно широким диапазоном изображения, – отмечает С.Ильинская. – Мы становимся свидетелями полувекковой жизни Ахейского княжества, идущего к неизбежному упадку. В рамках искусной, тонко продуманной композиции выступают все социальные слои, пытающиеся или предотвратить, или ускорить этот процесс» [2, с.12]. Особое значение имеет историческая достоверность произведения. В равной степени это относится и к событийному ряду сюжета, и к деталям повествования, что делает роман ценным источником исторического знания. При этом особое значение, в частности для русского читателя, имеют и общая малоизвестность темы, и смутное представление о времени этого периода Средневековья, локализованного Мореей, и занимательность повествования, несомненное мастерство его автора. Кроме того, следует видеть и сакральные основания – противостояние западноевропейской, франкской рыцарственности и византийской самости.

Эти акценты нарочито усилены автором произведения. Латинский Запад включил в культ благородного воинства, рыцарей, свои идеалы куртуазной любви, «которые столь тесно переплелись друг с другом, что в конце концов под узором не стало видно канвы», – отмечал Й.Хейзинга [5, с.124]. Свой идеал верности Прекрасной Даме присутствовал и у благородных представителей Восточно-Римской империи, в Византии. Оба этих элемента стали лейтмотивными в сюжете романа А.Терзакиса.

На наш взгляд, не следует забывать, что сюжет романа охватывает почти половину именно XIII-го столетия. Это большой отрезок времени, относящийся, однако, к дотурецкому периоду истории Византии. И хотя арабы давно хозяйничали в её провинциях, противостояние Первого и Второго Римов было противо-

стоянием Католицизма и Православия, то есть римского и греческого христианских обрядов. По этим же признакам определялась и этническая идентификация. Поэтому суждения типа «неистребимый дух свободы, вдохновивший сопротивление XIII и XX веков, связывает две столь отдалённые друг от друга эпохи непрерывной цепью многовековой самоотверженной борьбы греческого народа (Разрядка моя.- Р.Т.) за свою независимость» [2, с.11], высказанные в предисловии к роману, представляются идеологически натянутыми.

Думается, собственно национально-освободительная борьба греческого народа моложе, как минимум, на два столетия. Кажется, в XIII веке греки именовали себя ромеями. Равно как и крестоносцы – спасители гроба Господня и веры – объединены были не этнической общностью, но Церковью, и управлялись и направлялись Папством. Поэтому историческая параллель А.Терзакиса верна на уровне идейной заострённости романа, продиктованной германской оккупацией Греции в период Второй мировой войны, но не строга исторической конкретики.

В связи с этим представляется, что современным читателем роман А.Терзакиса воспринимается именно как мастерское историческое произведение, достоверное и художественно значительное, имеющее, в первую очередь, именно историко-познавательное значение.

Источники и литература

1. Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М.: Наука, Главная ред. восточной литературы, 1980. – 320 с.
2. Ильинская С. Предисловие / Терзакис, Ангелос. Принцесса Изабо. Пер. с греч. М.: Прогресс, 1968. - С. 5-14.
3. История Византии. В 3-х тт. Т.3. М.: Наука, 1967. – 508 с.
4. Терзакис, Ангелос. Принцесса Изабо: Героический роман. Пер. с греч. М.: Прогресс, 1968. – 560 с.
5. Хёйзинга, Йохан. Homo Ludens.- В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерландского. М.: Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.

Черникова Л.Ф.

РОМАНТИЧНА ДРАМА “Мазепа”. ІСТОРИЧНЕ ТЛО І ХУДОЖНІЙ ВИМИСЕЛ

В кінці XIX ст. (1897) І. Карпенко-Карий створює під псевдонімом Тугай романтичну трагедію “Мазепа”, яка в радянські часи не видавалася, зберігаючись у рукописному вигляді в архівах Ленінградської бібліотеки ім. А. В. Луначарського (нині – в архівах Інституту літератури ім. Т.Г.Шевченка НАН України)¹. Навіть само авторство І. Карпенка-Карого піддавалося сумніву (очевидно, через драгливість теми твору). Як вважає дослідниця Л.Мороз, “драма “Мазепа” є, очевидно, ґрунтовною переробкою п’єси іншого автора (можливо, К. Мирославського-Винникова), написаної з використанням сюжету поеми О. Пушкіна “Полтава”². Ми не можемо стверджувати, що першоосною п’єси “Мазепа” був твір К.Мирославського-Винникова (для цього потрібен зіставний аналіз. Про впливи О. Пушкіна говорить такий факт: за сюжетом драми І. Карпенка-Карого було створене об’ємне лібретто опери “Гетьман Мазепа” В.Потапенком з “Посвятою пам’яті А. С. Пушкіна, автора “Полтави”). Але найбільшою мірою, мабуть, про авторство І. Карпенка-Карого нам скаже заглиблення у стильові особливості, поетику драми.

Що ж собою представляє цей твір? Серед нечисленних дійових осіб п’єси – історичні постаті гетьмана України Івана Мазепа, генерального судді Кочубея; Орлика, Іскри, Палія, Чечеля, Войнаровського – полковників, старшини, запорожців. В козацьких реєстрах згадується прізвище полковника Незбієнка, син якого, Василь, виступає у п’єсі як жених Марії, а також Любов Кочубей, дружина генерального судді, і Мотря, дочка – по ходу п’єси Марія. Інші ж – це “дівчата, хлопці, козаки, сердюки і народ”. ІІ яв дії першої представляють широку експозицію, в якій показано розстановку сил і зав’язку драматичного вузла п’єси.

Драматична колізія окреслюється з перших слів яви І. В маєтку Кочубея готуються до прийому гостей: все робиться по-старосвітськи, поважно і водночас в демократичних козацьких звичаях. Між господиною, ясновельможною панією Кочубей і дівчатами-служницями прості, можна сказати родинні, стосунки. Дівчата вільно обговорюють між собою приїзд гетьмана і його кохання до панночки.

Оксана. Старий, старий, а закохався в нашу панночку Марусю. Чи знаєш ти – я бачила не раз, як він, переодягшись простим козаком, неначе молоденький воркує з нею у цьому садочку.

Мелашка. Та й вона либонь забула Василя, вогнем пала до гетьмана старого. Диво! Батькам же це і в думку не спадає, вони нічого не помічають і думають, що гетьман так вцацає, шануючи старих...

Оксана. Справжнє диво. Адже гетьман хрещений батько нашої панни, їм побратись не можна.

Мелашка. Гетьманові можна, а тільки що станеться з сердешним Василем, коли дізнається про зраду, а він приїхав з Січі на цих днях, і, певно, буде тут сьогодні.

Ця вступна розмова одразу ж, динамічно, як це властиво поетичі І.Карпенка-Карого, намічає кілька драматичних вузлів чи тем: тему “дыва” (кохання юної дівчини до старого чоловіка, що здатне знехтувати, переступити всі закони й звичаї), тему зради; болочу тему батьківських переживань за долю дочки й потоптану честь. Далі вони розгортаються й поглиблюються.

¹ Фонд Потапенка. Відділ рукописів та текстології Інституту літератури ім.Т.Г.Шевченка НАН України. Ф.142, №12.

² Історія української літератури XIX ст. У 3 книгах. Кн.3. – К., 1997. – С.417.